

СОЧИНЕНІЯ Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., 15.
1896.

АНАЛОГИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКѢ *).

(Исторія и методъ. Сочиненіе Александра Стронина. Спб. 1869).

I.

Общественная наука есть «дѣло, которое, вѣроятно, составитъ великій умственный подвигъ ближайшихъ двухъ или трехъ поколѣній мыслителей Европы». Такими словами заключаетъ Стюартъ Милль свою «Систему логики». Но развѣ общественная наука еще не существуетъ? Развѣ у насъ нѣтъ науки экономической, науки права со всѣми ея многочисленными развѣтвленіями, науки исторической съ ея подспорьями — археологіей, нумизматикой, сравнительной филологіей и проч.? Безъ всякаго сомнѣнія, все это у насъ есть и, тѣмъ не менѣе, мыслителямъ Европы предоставляется совершить умственный подвигъ — создать общественную науку. Что же это за несуществующая наука и въ чемъ тутъ дѣло? Дать вполне удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы не беремся; но намекнуть на отвѣтъ намъ придется, потому что лежащая передъ нами книга г. Александра Стронина имѣетъ въ виду, именно, уясненіе нѣкоторыхъ пунктовъ общественной науки, о чемъ, впрочемъ, довольно трудно догадаться по странному заглавію. Мы прочли эту книгу съ большимъ любопытствомъ, а прочитавъ, тотчасъ же взяли за перо, чтобы представить читателю посильную оцѣнку нѣкоторыхъ основныхъ положеній г. Стронина, по нашему крайнему разумѣнію, достойныхъ особеннаго вниманія. Притомъ же, г. Стронинъ предлагаетъ оригинальную классификацію социальныхъ наукъ и оригинальный методъ ихъ, и уже по одному этому мы сочли своею обязанностью остановиться подольше на его книгѣ. Но этого мало. Какъ мы уже сказали, нѣкоторые взгляды автора заслуживаютъ особеннаго вниманія, ибо въ нихъ отражается весьма важная, хотя, по всей вѣроятности, временная сторона современнаго мышленія вообще.

Прежде всего бросилось намъ въ глаза то обстоятельство, что книжка г. Стронина «посвящается славянскимъ гостямъ Россіи 1867 года». Конечно, всякій воленъ посвящать свои труды кому угодно. Но всякій воленъ также дѣлать изъ посвященія свои заключенія, каковыя, разумѣется, очень затрудни-

тельны, когда книжка посвящается частному лицу, но, напротивъ, невольно, сами собою напрашиваются, когда она посвящена людямъ, такъ сказать, публичнымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Откровенно говоря, мы были изумлены тѣмъ, что «Исторія и методъ» посвящается «славянскимъ гостямъ Россіи 1867 года». Еще болѣе откровенно говоря, это посвященіе не расположило насъ въ пользу труда г. Стронина. Мы думали встрѣтиться въ немъ съ отголосками напускной горячки 1867 г. или съ истертыми тезисами славянофильства. Но мы ошиблись. Въ самомъ концѣ книги наткнулись мы на слѣдующую подозрительную фразу: «Мы пережили въ нашей христіанской эрѣ и ступень древняго востока—въ романскихъ среднихъ вѣкахъ, переживаемъ и ступень Греціи — въ германской новой исторіи, остается ступень Рима — будущность славянства». Это заключительныя слова книги. Но затѣмъ, въ самой книгѣ, на всемъ пространствѣ отъ посвященія до заключенія, есть только одно мѣсто въ духѣ русскихъ хозяевъ (т.-е. людей, принимавшихъ славянскихъ гостей 1867 г.; мы дѣлаемъ это поясненіе для непроницательныхъ читателей, могущихъ подумать, что рѣчь идетъ о людяхъ, знающихъ толкъ въ сельскомъ, домашнемъ, государственномъ или иномъ какомъ-нибудь хозяйствѣ). И за исключеніемъ этого мѣста, которое мы въ свое время покажемъ читателю, въ книгѣ г. Стронина не только нѣтъ ничего такого, что бы могло польстить русскимъ хозяевамъ, но есть даже вещи, которыя имъ должны крайне не понравиться. Г. Стронинъ полагаетъ, что исторія, какъ наука, началась собственно съ Бокля; большинство русскихъ хозяевъ, имѣя въ виду историческія работы г. Погодина, Шевырева, и проч., съ таковымъ мнѣніемъ автора едва-ли согласится. Русскіе хозяева весьма хлопотали о томъ, чтобы на меню торжественныхъ обѣдовъ въ честь славянскихъ гостей не попадались иностранныя слова, вслѣдствіе чего «салатъ» подвергся гоненію; равномерно въ эту знаменитую эпоху были поползновенія изгнать и другія иностранныя слова, каковы: «кассація», «фактъ» и проч.; г. же Стронинъ такъ и сыплетъ иностранными терминами, и притомъ во многихъ случаяхъ имъ самимъ из-

*) 1869, июль.

мышленными. Такихъ пунктовъ различія между г. Стронинимъ, съ одной стороны, и русскими хозяевами, съ другой, существуетъ весьма достаточно. Поэтому можно думать, что г. Стронинъ не отъ пріѣзда къ намъ славянскихъ гостей заключилъ о великой будущности славянства, а поступилъ гораздо серьезнѣе, именно: убѣдившись научнымъ путемъ въ великой будущности славянства, порадовался славянскимъ гостямъ и посвятилъ имъ свою книжку. Дѣло, значить, сводится къ тому, чтобы опредѣлить тотъ научный путь, которымъ авторъ дошелъ до своего убѣжденія. Мы вправѣ ожидать, что это путь дѣйствительно научный, потому что г. Стронинъ принимаетъ въ соображеніе всѣ новѣйшія общія изслѣдованія по вопросамъ о методахъ и задачахъ общественной науки. Онъ цитируетъ Конта, Милля, Спенсера, Бокля, Риттера, и не цитируетъ почти никого, кромѣ нихъ. Къ сожалѣнію, однако, вглядываясь въ вышеприведенную фразу г. Стронина, можно усомниться въ научности избранныхъ имъ логическихъ путей. У него за періодомъ древняго Востока слѣдуетъ періодъ Греціи, за нимъ періодъ Рима, а затѣмъ первый повторяется въ романскихъ среднихъ вѣкахъ, второй — въ новой германской исторіи, третій, наконецъ, имѣетъ повториться въ исторіи славянства. Эта идея круговорота — вещь не новая и не оригинальная. Это бы еще не бѣда, идея не новая, но она, кромѣ того, идея скучная и безотрадная. Въ самомъ дѣлѣ, съ чего, напримѣръ, мы съ вами, читатель, начнемъ усердствовать на пользу славянства, когда въ его будущей исторіи повторится исторія Рима. Римъ, какъ извѣстно, развалился, и развалился послѣ всевозможныхъ скандаловъ и мерзостей. Ну, развалился и славянство. Неужто же для этого стоитъ работать? Наконецъ, и это бы еще не бѣда, что идея историческаго круговорота скучна и безотраднa: если бы она была вѣрна, пришлось бы ей поневолѣ покориться, и стали бы мы, скрѣпя сердце, готовиться къ всемірному владычеству славянства, затѣмъ, къ появлению славянскихъ Калигулъ и Геліогабаловъ, къ набѣгамъ варваровъ и проч. Но, что самое важное, идея эта не имѣетъ никакого научнаго основанія, ибо отнюдь не изображаетъ дѣйствительнаго хода вещей. Человѣку приходится терпѣть скуку, испытывать смѣну надеждъ разочарованіями, а разочарованій надеждами и т. п. Но вселенная, міръ, природа — скуки не терпитъ, природа до безконечности разнообразна. а потому и въ исторіи круговоротъ не можетъ быть общимъ правиломъ. Исторію въ этомъ отношеніи можно уподобить богатѣйшему франту, который ни за что не надѣнетъ два раза

одну и ту же пару перчатокъ. Объ ней можно сказать то же, что сказалъ Гёте о ея старшей сестрѣ, о природѣ: «Was da ist, war noch nie; was war, kommt nicht wieder».

Объ этомъ, впрочемъ, намъ распространяться не зачѣмъ, потому что идея историческаго круговорота не занимаетъ въ соображеніяхъ г. Стронина какого-либо виднаго мѣста; она является въ самомъ концѣ книги нѣсколько неожиданно и даже, можно сказать, ни къ селу, ни къ городу. Рѣчь шла о томъ, что въ виду той пользы, какую людямъ можетъ принести наука, «мысль нѣмѣетъ при представленіи всѣхъ вѣроятностей будущаго, и содрогается сердце отъ зависти къ потомству». И вдругъ намъ остается ступень Рима — будущность славянства... Главные взгляды нашего автора хотя и имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ идеею историческаго круговорота, тѣмъ не менѣе, представляютъ въ общемъ нѣчто иное. Къ этимъ-то главнымъ взглядамъ мы и обратимся, но сперва да позволено намъ будетъ сдѣлать еще одно мелкое замѣчаніе. Г. Стронинъ страдаетъ маніей оригинальной терминологіи. Такъ, онъ различаетъ четыре вида индукціи: «эвидентіку», «аттентіку», «экспериментіку» и «обсерватіку», хотя всѣ они весьма удобно вмѣщаются въ установившуюся рубрику опыта и наблюденія. Подъ эвидентікой, напримѣръ, г. Стронинъ разумѣетъ тотъ процессъ мысли, которымъ добыты математическія аксіомы. Но чѣмъ же этотъ индуктивный процессъ отличается отъ иныхъ индуктивныхъ процессовъ? Ничѣмъ не отличается. Дѣло только въ томъ, что факты выражаемые аксіомами, повторяются въ высшей степени часто, но этимъ только облегчается процессъ. Что же касается до аттентики, то даже довольно трудно понять не только, что это за особенная индукція, но и, вообще, что это за операція. Въ ней, какъ, по крайней мѣрѣ, удостовѣряетъ г. Стронинъ, руководителемъ для изслѣдователя служить «одно только вниманіе, наблюденіе однимъ чувствомъ внутреннимъ!» Пропзнеся это, г. Стронинъ ставитъ восклицательный знакъ, къ которому мы, съ своей стороны, охотно прибавили бы вопросительный. Впрочемъ, г. Стронинъ и самъ говоритъ, что это «наблюденіе внутреннимъ чувствомъ» вещь ненадежная, значить, намъ не зачѣмъ особенно печалиться о нашемъ непониманіи. Далѣе, людей, изучающихъ законы общественныхъ явленій, г. Стронинъ называетъ почему-то *социамистами*, хотя слово это имѣетъ во всѣхъ европейскихъ языкахъ гораздо болѣе специальное, очень опредѣленное и всѣмъ извѣстное значеніе. Затѣмъ, у него являются такіе термины: «движимость и бытійность» (въ противоположность движенію и бытію), «ве-

пещественность и сильственность» (въ противоположность веществу и силѣ) и проч., и проч., и проч. Та же терминологическая манія играетъ значительную роль и въ классификаціи социальныхъ наукъ, предлагаемой г. Стронинымъ. Тутъ есть и *хронологія*, и *географія*, и *прагматика*, и *соціономія*, и *соціология*, и *соціалистика*, и *конституція*, и *нафросология*, и *паліатика*, и *юстиція* и проч., и проч., и проч. Да еще изъ нихъ въ составъ, напримѣръ, *историологии*, входятъ: «во-первыхъ, *тинологія*, ученіе о происхожденіи государствъ; во-вторыхъ, *эпохология*, т.-е. ученіе о возрастахъ государственныхъ; въ-третьихъ, *эрология*, о великихъ событіяхъ политическихъ; въ-четвертыхъ, *этнология*, о національностяхъ и національныхъ идеалахъ, миссіяхъ, роляхъ; въ-пятыхъ, *прогрессология*, о путяхъ, мѣрахъ и предѣлахъ прогресса каждаго мѣста, каждаго времени и каждаго элемента; наконецъ, *фанатология*, о паденіи и метаморфозѣ или метампсихозѣ государствъ». Или, напримѣръ: «Если теперь ученіе о силахъ психологическихъ правительственныхъ назовемъ *кратологией* (а если не назовемъ?), то если возьмемъ психологическія силы, это будетъ социальная *барология*; общественная—то физической акустикѣ будетъ отвѣчать ученіе о силѣ слова, *фонетика*; оптикѣ—ученіе о силѣ мысли, *идеология*; термотикѣ—ученіе о силѣ знанія, *гностика*; магнетикѣ—ученіе о симпатіи и антипатіи и вообще о сантиментальныхъ силахъ, *симпатика*; и электрикѣ—ученіе о силѣ дѣла и вообще о силахъ моральныхъ, *эрготика*». Все это въ соединеніи съ варварскимъ языкомъ вообще дѣлаетъ книгу г. Стронина весьма неудобочитаемою. Любопытно, что, по мнѣнію нашего достопочтеннаго автора, «необходимо спустить, наконецъ, науку и философію, съ облаковъ внизъ; а тѣмъ болѣе такую науку и такую философію какъ социальныя; для нихъ, болѣе чѣмъ для всякихъ другихъ наукъ и философій, нелѣпо становиться въ такую позу, которая внушала бы ужасъ, и заговаривать такимъ языкомъ, который бы нужно было потомъ переводить на обыкновенный языкъ смертныхъ. Это пустяки, будто бы не всякое знаніе, какъ утверждаютъ педанты, можно передать всякой публикѣ и вообще передавать его безъ всякихъ схоластическихъ замашекъ» (441). Если читатель усмотритъ нѣкоторое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ г. Стронина, то онъ можетъ утѣшиться тѣмъ, что слово само по себѣ, и ученіемъ о силѣ его занимается *фонетика*, а дѣло опять само по себѣ, и сила его составляетъ предметъ *эрготики*.

Равнообразно слѣдуетъ замѣтить и то, что сила мысли особъ статья (ученіе о ней есть

идеология), а сила слова опять-таки особъ статья (*фонетика*); вслѣдствіе чего отнюдь не слѣдуетъ думать, чтобы за всякимъ словомъ такъ ужъ и сидѣла какая-нибудь мысль. Есть и просто слова, къ каковымъ мы и причисляемъ большинство терминовъ г. Стронина. Слишкомъ много цвѣтовъ, слишкомъ много цвѣтовъ!—говоритъ корыстолюбивый жрецъ Калхасъ въ «Прекрасной Еленѣ». Слишкомъ много цвѣтовъ! скажемъ и мы г. Стронину, ибо всѣ эти *логии* суть не болѣе, какъ цвѣты, никогда не дадущіе плодовъ. Г. Стронинъ ищетъ метода социальныхъ наукъ и ихъ классификаціи и, разумѣется, находитъ и то, и другое. Но дѣло въ томъ, что планъ его классификаціи построенъ, если можно такъ выразиться, безъ всякаго плана. Мы будемъ слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ.

Книга г. Стронина начинается сравненіемъ между науками естественными и такъ называемыми нравственными и политическими. При этомъ авторъ высказываетъ нѣсколько не новыхъ и не оригинальныхъ, но совершенно справедливыхъ мыслей о печальномъ состояніи нынѣ существующихъ общественныхъ наукъ и о еще болѣе печальныхъ практическихъ результатахъ ихъ теоретической слабости. Сѣтованія г. Стронина мы раздѣляемъ вполне и думаемъ, что ихъ раздѣляютъ и всѣ мыслящіе люди. Равнымъ образомъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію и то положеніе г. Стронина, что нынѣ существующія общественныя науки должны ожидать своего обновленія отъ сближенія съ естествознаніемъ. И, разумѣется, не мы станемъ охуждать то стремленіе, которое сказалось въ пронесшемся недавно надъ нашимъ обществомъ страстномъ увлеченіи естественными науками. Общественная наука неизбѣжно должна чѣмъ-нибудь позаимствоваться у естествознанія, во-первыхъ потому, что естествознаніе, какъ наука старшая, успѣло выработать цѣлый арсеналъ логическихъ приѣмовъ, а во-вторыхъ, потому, что общество управляется, кромѣ своихъ специальныхъ законовъ, еще законами, царящими и надъ остальной природой. Но позаимствоваться можно и очень многимъ, и очень малымъ. Общественная наука можетъ взять у естествознанія его методы, можетъ перенести къ себѣ его истины цѣликомъ, можетъ, наконецъ, переработать эти истины какимъ-нибудь способомъ. Этотъ вопросъ о размѣрахъ займа, о предѣлахъ вторженія естествознанія въ область общественной науки, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко возникаетъ въ сознаніи большинства людей, призадумывающихся надъ судьбами челоѣчества и ищущихъ имъ новаго, независимаго отъ официальныхъ наукъ, освѣщенія. Эта неосмотрительность порождаетъ мно-